

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Часть I. ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ и БАНКОВСКОГО ДЕЛА В США ДО НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ	45
Манипуляции с шиллингом и долларом	49
Государственные бумажные деньги	50
Банкноты частных банков	55
Финансирование войны за независимость	58
Банк Северной Америки	61
Соединенные Штаты: биметаллизм	64
Первый банк Соединенных Штатов: 1791—1811	66
Война 1812 г. и ее последствия	71
Второй банк Соединенных Штатов, 1816—1833	81
Президент Эндрю Джэксон и война с Банком США	89
Джэксонианцы и закон о чеканке монет от 1834 г.	102
Децентрализованная банковская система с 1830-х гг. до Гражданской войны	109
Рыночный «центральный банк»	112
Фальстарт	113
Начало операции	113
Сопrotивление провинциальных банков	115
Стабилизирующий эффект суффолкской клиринговой системы	116
Эффективность Суффолкской системы	117
Гражданская война	120
Гринбеки	121
Государственный долг и национальная банковская система	130
Послевоенная эпоха: 1865—1879	144
Эпоха золотого стандарта в рамках национальной банковской системы, 1879—1913 гг.	155
Цены, заработная плата и реальная заработная плата	157
Процентные ставки	159
Взрывной рост производительности труда	160
Прирост основного капитала	161
1896 г.: трансформация американской партийной системы	165
Часть II. ИСТОКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО РЕЗЕРВА	175
Прогрессистское движение	177
Недовольство национальной банковской системой	179

Начало движения за «реформу»: проведение в Индианаполисе конвента по реформе денежной системы	182
Закон о золотом стандарте 1900 г. и последующие события	195
Чарльз Конант: избыточный капитал и экономический империализм	201
Конант: денежный империализм и золотодевизный стандарт	211
Джейкоб Шифф возбуждает стремление к центральному банку	225
Паника 1907 г. и мобилизация сторонников центрального банка	231
Последний этап: обработка демократического большинства	244
Заключение	248
Часть III. От ГУВЕРА ДО РУЗВЕЛЬТА: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ РЕЗЕРВ И ФИНАНСОВЫЕ ЭЛИТЫ.	251
Первый период деятельности Федерального резерва, 1914—1928 гг.: эпоха Моргана	254
Федеральный резерв при президенте Гувере: Харрисон и Янг	260
Пришествие Юджина Мейера-мл.	268
Мейер в администрации Гувера	275
Новый курс: уход от золота	286
Банковское и финансовое законодательство: 1933—1935 гг.	297
Марринер Экклс и закон о банках 1935 г.	320
Эпилог: возвращение Морганов	331
Часть IV. ЗОЛОТОВАЛЮТНЫЙ СТАНДАРТ В МЕЖВОЕННЫЕ ГОДЫ	337
Классический золотой стандарт	340
Британия в послевоенном мире	343
Возвращение к курсу 4,86 долл. за 1 фунт: комитет Канлиффа и последующие события	347
Американская помощь в восстановлении паритета 4,86 долл. за фунт: влияние Моргана	355
Утверждение нового золотого стандарта в 1920-е гг.	367
<i>Не монеты, а слитки</i>	367
<i>Не золотой, а золотодевизный стандарт</i>	370
Золотодевизный стандарт в действии: 1926—1929 гг.	385
Депрессия и конец золотодевизного стандарта: 1929—1931 гг.	408
Эпилог	415

Часть V. НОВЫЙ КУРС И МЕЖДУНАРОДНАЯ	
ВАЛЮТНАЯ СИСТЕМА	417
1920-е гг.: истоки долларového национализма	419
Первый сюжет Нового курса:	
долларовый национализм	432
Второе направление Нового курса: победоносный доллар	455
Эпилог	465
Библиография	469
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	481
УКАЗАТЕЛЬ КОМПАНИЙ	496
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	503

Предисловие

В этой книге Мюррей Ротбард рисует нам всеобъемлющую картину истории денежного обращения и банковского дела в США с колониальных времен до Второй мировой войны, причем это первое в таком роде сочинение, сознательно опирающееся на теорию и методы австрийской теории денег. Но даже помимо того, что изложение исторических событий здесь дается через призму австрийской экономической теории, эта книга не похожа на массово издававшиеся в последние четверть века стандартные работы по экономической истории, проникнутые позитивистскими идеями «новой экономической истории», или «клиометрики». Для этого подхода, который в наши дни полностью доминирует в области изучения истории экономики, характерно использование мощного статистического инструментария для количественного анализа экономических фактов. Отличительная особенность подхода Ротбарда заключается в его трактовке экономических фактов и процессов как уникальных и сложных экономических событий. В соответствии с этим он использует законы и принципы, сформулированные в экономической теории и других дисциплинах, для того, чтобы установить связь между исследуемыми им событиями и их первоисточником — целями и ценностями соответствующих исторических персонажей. С точки зрения Ротбарда, при интерпретации неповторимых исторических событий можно опираться на экономические законы, потому что действительность этих законов — или, лучше сказать, их истинность — может быть надежно обоснована с помощью праксеологии — науки, основанной на представлении о всеобщности логики человеческого действия, которая логически предшествует конкретным историческим эпизодам¹. Именно в этом смысле допустимо утверждение, что экономическая теория — априорная наука.

* На полях под чертой указано начало страницы по первому русскому изданию. См. указатели.

¹ О праксеологии см.: Людвиг фон Мизес, *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*, Челябинск: Социум, 2012, с. 5—70; Murray N. Rothbard, *The Logic of Action I: Method, Money, and the Austrian School* (Cheltenham, U.K.: Edward Edgar, 1997), pp. 28—77; Hans-Hermann Hoppe, *Economic Science and the Austrian Method* (Auburn, Ala.: Mises Institute, 1995).

Полной противоположностью этому является подход представителей новой экономической истории, для которых история — это лаборатория, в которой осуществляется непрерывная проверка экономической теории. Количественные экономические показатели, относящиеся к разным историческим датам, рассматриваются как однородный эмпирический материал, полученный в контролируемом и повторяемом эксперименте. На основании этих фактов осуществляется статистическая проверка гипотез относительно причин таких классов событий, как, например, инфляция или финансовые кризисы. После чего гипотезы, в наибольшей степени соответствующие этим данным, принимаются в качестве причинного объяснения класса изучаемых явлений, так что остается только ждать, когда в будущем появятся новые данные, которыми нас постоянно обеспечивает разворачивающийся исторический процесс, и станет возможен следующий этап проверки адекватности этих гипотез, и т. д.

Один из пионеров нового подхода к экономической истории нобелевский лауреат Дуглас Норт следующим образом описывает свой метод:

5 Невозможно заниматься анализом и объяснением проблем, поднимаемых в экономической истории, без выдвижения исходных гипотез и их проверки на соответствие имеющимся фактам. Источником исходных гипотез является совокупность развитых в последние 200 лет экономических теорий, которые проходят постоянную эмпирическую проверку и, соответственно, уточняются. Источником надежных фактов и инструментом тестирования теории является статистика. Пределы исследований диктуются наличием соответствующей теории и эмпирических фактов... Фактами, в идеальном случае, являются статистические показатели, точно характеризующие и измеряющие подвергаемые проверке явления².

Стремление Норты и других распространить позитивистскую методологию на область экономической истории немедленно сталкивается с двумя проблемами. Прежде всего, как подчеркивает сам Норт, этот подход резко сужает круг до-

² Douglas C. North, *Growth and Welfare in the American Past: A New Economic History* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1966), pp. 1—2 (курсив автора).

ступных для исследования проблем экономической истории. Вопросы, которые не поддаются количественной оценке или не могут быть охарактеризованы с помощью статистических данных, отодвигаются на второй план или вовсе игнорируются. В результате новые экономические историки предпочитают отвечать на следующие вопросы: каков чистый вклад железных дорог в ВВП США? Или: как повлияло создание Федеральной резервной системы на стабильность уровня цен или на объем производства в неизменных ценах? Куда менее вероятно, что они зададутся, скажем, вопросом о том, что побудило правительство передать железнодорожным компаниям громадные участки земли или добиться принятия закона о Федеральном резерве.

В целом в клиометрических работах уделяется мало внимания вопросу «*Cui bono?*» или «Кому выгодно?», потому что для ответа на него приходится использовать данные о целях и мотивах, данные исключительно субъективные, не допускающие измерения или квантификации. Сказанное не отрицает того, что новые экономические историки стремились объяснить *ex post*, т.е. фактическое, распределение совокупного дохода, ставшее результатом институциональных или политических изменений. Но их метод препятствует выявлению *ex ante*, т.е. намечаемых, задач, а также представлений о самых действенных методах достижения поставленных целей, ради которых, собственно, конкретные исторические персонажи и добивались перемен, имевших результатом перераспределение совокупного дохода. Однако в результате пренебрежения такого рода вопросами сами количественные данные оказываются необъясненными. Причина в том, что институты, вносящие вклад в их формирование, такие как железные дороги или Федеральный резерв, представляют собой сложный результат целенаправленных действий отдельных личностей или групп людей, стремившихся так или иначе достичь определенных целей. Таким образом, новая экономическая история не является историей в традиционном смысле, т.е. попыткой «понять» мотивы, стоявшие за возникновением экономических институтов и процессов.

Еще одним и более фундаментальным недостатком новой экономической истории является устанавливаемое ею соотношение между историей и теорией. Для Норта история — это источник «эмпирических фактов», в идеальном

случае — «статистических данных», на которых проверяется истинность экономической теории. Это означает, что обоснованность любой теоремы всегда под вопросом, она считается истинной лишь постольку, поскольку в предыдущих эмпирических проверках ее не удалось опровергнуть. Но из этого следует и необходимость постоянно осуществлять пересмотр экономической истории, потому что сама теория, установившая причинно-следственную связь между историческими событиями, в любой момент может быть опровергнута новыми фактами, появляющимися в ходе исторического процесса. Иными словами, то, что новые историки экономики называют «глубинной связью между измерением и теорией», на деле оказывается порочным кругом, в котором вязнут все попытки дать чисто позитивистское истолкование истории³. Потому что если теория, используемая для истолкования прошлых событий, всегда может быть объявлена несостоятельной на основании будущих событий, возникает неясность относительно роли теории в историческом исследовании — является ли она *explanans* или *explanandy* объясняющей или объясняемой.

Согласно подходу Ротбарда к истории денег на первом месте не измерение, а мотивы. Когда установлены цели действующих лиц и их представления о приемлемых методах достижения этих целей, автор обращается к методам экономической теории и других дисциплин, чтобы наметить влияние этих действий на сложные исторические события и процессы, которые находят лишь частичное и неполное отражение в статистических данных. Это не означает, что Ротбард игнорирует количественные аспекты истории денежного обращения. Напротив, его книга изобилует данными о денежной массе, о ценах и объемах производства, но эти данные им привлекаются только для характеристики мотивов, которые принимали участие в их формировании. Для Ротбарда конкретная цена является *историческим событием* не в меньшей мере, чем испано-американская война, и он полагает своим долгом выявить субъективные цели, ради которых разрабатывались планы и принимались решения.

³ Robert William Fogel, "The New Economic History: Its Findings and Methods," in *The Reinterpretation of American History* (New York: Harper and Row, 1971), p. 7. [См.: Роберт Фогель. Новая экономическая история: ее данные и методы // portalus.ru.]

Решительно отвергнув позитивистский подход к экономической истории, Ротбард принимает метод исторических исследований, впервые сформулированный Людвигом фон Мизесом. Разрабатывая этот метод, Мизес первым очертил правильное соотношение между историей и теорией. Большой заслугой Ротбарда в этой и в написанной ранее книге «Великая депрессия в Америке» является то, что он первым последовательно применил этот метод к изучению экономической истории⁴. Есть ряд причин, оправдывающих краткое изложение этого метода в данном предисловии. Во-первых, работы Мизеса о надлежащем методе исторических исследований по необъяснимым причинам игнорируют даже те, кто усвоил развитый им праксеологический подход применительно к экономической теории⁵. Во-вторых, знакомство с методом Мизеса проливает свет на источник и природу характерной особенности исторических работ Ротбарда. В частности, это опровергает распространенное, хотя и ошибочное представление, что исторические работы Ротбарда, особенно в области происхождения и развития кредитно-денежной системы США, не имеют более полноценного основания, чем пресловутая «теория заговоров». В-третьих, это дает нам возможность показать внесенный Ротбардом значительный вклад в метод Мизеса, который наиболее выпукло проявился в разработке им темы данного издания. И, наконец, метод Мизеса содержит однозначное опровержение тезиса позитивистов, что нам недоступно истинное понимание таких субъективных явлений, как мотивы человеческой деятельности, а потому экономическая история обречена на то, чтобы иметь дело исключительно с явлениями, наблюдаемыми и поддающимися измерению.

Рассмотрение метода исторических исследований Мизес начинает с утверждения, что именно идеи представляют собой первичный материал исторического знания. Он пишет:

⁴ Мюррей Ротбард, *Великая депрессия в Америке* (Челябинск: Социум, 2016).

⁵ Как пишет Ротбард о произведении Мизеса «Теория и история», в котором он наиболее детально излагает свой метод, оно «не имело большого резонанса и редко цитируется даже молодыми экономистами недавнего “австрийского” возрождения. Оно останется забытым шедевром Мизеса». М. Ротбард, Предисловие // Людвиг фон Мизес, *Теория и история* (Челябинск: Социум, 2013), с. ix.

История есть летопись человеческой деятельности. Человеческая деятельность — это сознательные усилия людей, направленные на то, чтобы заменить менее удовлетворительные обстоятельства более удовлетворительными. Идеи определяют, что должно считаться более, а что менее удовлетворительными обстоятельствами, а также к каким средствам необходимо прибегнуть, чтобы их изменить. Таким образом, главной темой изучения истории являются идеи⁶.

Это не означает, что предметом исторических исследований должна быть только интеллектуальная история. Речь идет лишь о том, что идеи являются конечной причиной всех социальных, в том числе и даже прежде всего экономических, явлений. Как утверждает Мизес:

9 Подлинная история человечества — это история идей. Именно идеи отличают человека от всех других существ. Идеи порождают общественные институты, политические изменения, технологические методы производства и все то, что называется экономическими условиями⁷.

В силу этого для Мизеса предметом истории является:

тот факт, что люди, вдохновленные определенными идеями, определили для себя основные ценности, выбрали конкретные цели и прибегли к определенным средствам достижения выбранных целей, а кроме того, еще и результат их действий — состояние дел, которое установилось в результате их действий⁸.

Идеи, особенно относительно направляющих действие целей и ценностей, не только представляют собой точку соприкосновения между историей и экономической теорией, но, кроме того, именно разное отношение к ним различает методы этих двух дисциплин. Как история, так и экономическая теория, имеют дело с индивидуальными решениями относительно целей и ценностей, на которые те опираются. С одной стороны, экономи-

⁶ Там же, с. 200—201.

⁷ Там же, с. 167.

⁸ Mises, *The Ultimate Foundation of Economic Science*. (Kansas City, Mo., 1978), p. 45. [См.: Мизес, Конечные основания экономической науки // Мизес, *Эпистемология и методология экономической науки*. М.; Челябинск: Социум, 2016].

ческая теория, будучи отраслью праксеологии, берет эти цели и ценностные суждения в качестве исходных данных и ограничивается тем, что логически выводит из них законы, управляющие оценкой средств и установлением цен на материальные «блага». По существу, экономическая теория не интересуется индивидуальными мотивами, направляющими процесс оценки и выбора определенных целей. Таким образом, в противоположность позитивистскому подходу истина экономических теорем здесь устанавливается помимо конкретного исторического опыта и без ссылок на него. Они представляют собой логически правомерные дедуктивные выводы, исходящие из того универсального факта, что люди используют средства, пригодные, по их мнению, для достижения целей, оцениваемых ими как привлекательные⁹.

Предмет истории, с другой стороны, — «деятельность и ценностные суждения, направляющие деятельность к определенным целям»¹⁰. Это означает, что для истории в отличие от экономической теории действия и ценностные суждения — не конечная данность; по словам Мизеса, они «являются отправным пунктом особого рода рефлексии — специфического понимания исторических наук о человеческой деятельности». Историк, вооруженный методом «специфического понимания», сталкиваясь с «ценностным суждением и вызываемым им действием... может попытаться понять, каким образом они возникли в уме действующего субъекта»¹¹.

Различие между методами исторической науки и экономической теории можно проиллюстрировать следующим примером. Экономист в роли экономиста «объясняет» инфляцию периода войны во Вьетнаме, которая началась в середине 1960-х гг. и достигла кульминации в ходе инфляционного кризиса 1973—1975 гг., указанием на проводившуюся Федеральным резервом политику денежной эмиссии, которая

⁹ Разумеется, при выводе теорем, относящихся к специфическим условиям, характеризующим человеческую деятельность в нашем мире, цепочка дедуктивных выводов включает некоторые дополнительные факты менее общего характера. Среди них, скажем, разнообразие природных ресурсов, неоднородность труда, а также тот факт, что досуг ценится наравне с другими потребительскими благами (см.: Мизес, *Человеческая деятельность*; Rothbard, *The Logic of Action*, и Норре, *Economic Science and Austrian Method*).

¹⁰ Мизес, *Теория и история*, с. 268.

¹¹ Там же, с. 279.

породила и потом поддерживала инфляцию¹². Историк, в том числе историк экономики, должен выявить и оценить относительную значимость тех факторов, которые побуждали различных членов Совета управляющих Федерального резерва (или Комитета по операциям на открытом рынке Федерального резерва) к принятию соответствующего курса действий. Эти факторы включают: идеологию; партийную принадлежность; давление со стороны власть имущих; понимание экономической теории; явно выраженное требование клиентуры Федерального резерва, включая коммерческие банки и крупнейших дилеров рынка облигаций, неформальную власть и влияние председателя Федерального резерва и т.п.

Короче говоря, историк экономики должен выявить мотивы, управлявшие действиями, которые сделали возможным историческое событие. И здесь единственным подходящим инструментом является понимание. Как пишет Мизес:

Предмет понимания — мысленное представление явлений, которые не могут быть полностью объяснены с помощью логики, математики, праксеологии и естественных наук в той мере, в какой они не могут быть раскрыты этими науками¹³.

Утверждение, что полное объяснение любого исторического события, в том числе экономического, требует использования метода специфического понимания, не означает умаления важности чистой экономической теории для исторических исследований. На самом деле, как отмечает Мизес, экономическая теория

обеспечивает в своей области законченную интерпретацию зафиксированных прошлых событий и совершенное предвидение результатов, которые следует ожидать от будущих действий определенного рода. Ни интерпретация, ни предвидение ничего не говорят о действительном содержании и качестве ценностных суждений действующих индивидов. И то, и другое предполагает, что индивиды формулируют оценки и действуют, но

¹² Некоторые экономисты считают границами инфляционного периода 1965 и 1979 г., но нас сейчас точность датировки не интересует (см., напр.: Thomas Mayer, *Monetary Policy and the Great Inflation in the United States: The Federal Reserve and the Failure of Macroeconomic Policy* (Northampton, Mass.: Edward Edgar, 1990).

¹³ Людвиг фон Мизес, *Человеческая деятельность*, с. 51.

их теоремы не испытывают влияние и не зависят от конкретных характеристик действий и ценностей¹⁴.

Таким образом, с точки зрения Мизеса, если историк намерен дать полное объяснение отдельного события, он должен представить не только «специфическое понимание» мотивов действия, но и теоремы экономической науки и других «априорных» или неэкспериментальных наук, таких как логика и математика. Он должен также использовать знания, даваемые естественными науками, в том числе прикладными — технологией и терапией¹⁵. Знакомство с достижениями всех этих наук необходимо, чтобы иметь возможность правильно установить причинную зависимость между конкретным действием и историческим событием, чтобы проследить его специфические последствия и оценить, насколько успешно были реализованы цели действующего лица.

Например, не будучи знакомым с экономической теоремой, утверждающей, что, при прочих равных, повышение темпа денежной эмиссии ведет к понижению покупательной способности денежной единицы, историк ценовой инфляции периода войны во Вьетнаме может просто проглядеть роль Федерального резерва, и уж тем более его мотивы. Предположим, что он будет сторонником ошибочной доктрины Гэлбрейта об административно назначаемых ценах, порождающих инфляцию издержек¹⁶. В этом случае он может, вполне неуместно, сконцентрироваться исключительно на мотивах профсоюзных лидеров, требовавших больших прибавок к заработной плате, и на целях «техноструктур» больших корпораций, пасующих перед этими требованиями и принимающих решение о том, какую часть прироста издержек переложить на потребителей. Таким образом, согласно Мизесу:

Если того, чему учат эти дисциплины [т.е. априорные и естественные науки], недостаточно, или если историк выбирает ошибочную теорию из нескольких противоречащих друг другу теорий, разделяемых специалистами, то он пойдет по неправильному пути, и его работа окажется бесполезной¹⁷.

¹⁴ Мизес, *Теория и история*, с. 278.

¹⁵ Там же, с. 270.

¹⁶ John Kenneth Galbraith, *The New Industrial State* (New York: New American Library, 1967), pp. 189—207, 256—270.

¹⁷ Мизес, *Теория и история*, с. 271.

Но что в действительности представляет собой исторический метод специфического понимания, и как он может дать истинное знание таких чисто субъективных и ускользающих от наблюдения явлений, каковыми являются мотивы человеческих поступков? Прежде всего, как подчеркивает Мизес, специфическое понимание прошлых событий

не является умственным процессом, к которому прибегают только историки. Каждый человек применяет его ежедневно при общении с другими людьми. Эта методика используется во всех межлических отношениях. Она практикуется детьми в яслях и детских садах, коммерсантами в торговле, политиками и государственными деятелями в делах государства. Каждый стремится получить и точно оценить информацию об оценках и планах других людей¹⁸.

Эта техника столь широко используется в повседневной жизни потому, что целью каждого действия является перестройка будущих условий таким образом, чтобы они стали более удовлетворительными с точки зрения действующего лица. Чтобы достичь своих целей, нужно предвидеть будущие изменения вследствие как естественных причин, так и действий других людей, которые точно так же одновременно с тобой планируют и осуществляют свои действия¹⁹. Таким образом, понимание целей и ценностей других людей является необходимым условием успешного действия.

Итак, метод, который обеспечивает человека, планирующего действие, информацией о ценностях и целях других, — по существу, тот же метод, который используется историками, стремящимися обрести знание о ценностях и целях тех, кто действовал в прошлом. Универсальность этого метода Мизес подчеркивает тем, что обозначает действующего человека и историка как, соответственно, «историка будущего» и «историка прошлого»²⁰. Таким образом, независимо от целей, для которых оно используется, понимание

¹⁸ Там же, с. 238.

¹⁹ По словам Мизеса, «целью понимания является предвидение будущих условий в той мере, в какой они зависят от идей, ценностных суждений и действий людей» (Mises, *Ultimate Foundation*, p. 49).

²⁰ Мизес, *Теория и история*, с. 287.

стремится к установлению определенных фактов: что люди приписывают определенное значение состоянию своего окружения; что они определенным образом оценивают это состояние, и, побуждаемые этим ценностным суждением, прибегают к определенным средствам для его сохранения или достижения иного состояния дел, отличного от того, какое существовало бы, если бы они воздержались от любых целенаправленных действий. Понимание имеет дело с ценностными суждениями, с выбором целей и средств для достижения этих целей и с оценкой результата совершенных действий²¹.

Кроме того, имеется ли в виду планирование действия или истолкование истории, акт специфического понимания — не произвольное или случайное действие, свойственное исключительно конкретному историку или деятелю, а продукт дисциплины, которую Мизес называет «тимологией», смысл которой в «знании о человеческих оценках и желаниях»²². Мизес следующим образом характеризует эту дисциплину:

С одной стороны, тимология является ответвлением интроспекции, а с другой — осадком исторического опыта. Это то, что каждый узнаёт из общения с окружающими. Это то, что человек знает о способе, которым люди оценивают различные обстоятельства, об их желаниях и стремлениях. Это знание социального окружения, в котором человек живет и действует, или знание историка о чужом окружении, которое он почерпнул, изучая специальные источники²³.

Таким образом, утверждает Мизес, тимологию можно рассматривать как «отрасль исторической науки», потому что «свое знание она черпает из исторического опыта»²⁴. В силу этого и продукт познания в тимологическом опыте категорически иной, чем в экспериментальных естественных науках. Экспериментальное знание состоит из «научных фактов», истинность которых не зависит от времени. Тимологическое знание ограничено «историческими фактами», т.е. уникальными и неповторимыми событиями. Мизес, соответственно, делает вывод:

²¹ Mises, *Ultimate Foundation*, p. 48.

²² Мизес, *Теория и история*, с. 238.

²³ Там же, с. 239.

²⁴ Там же, с. 244.

Тимология может сообщить нам только то, что в прошлом определенные люди или группы людей придерживались определенных оценок и действовали определенным образом. Будут ли они и в будущем придерживаться тех же оценок и действовать таким же образом, остается неопределенным. Все, что можно утверждать об их будущем поведении, представляет собой спекулятивное предвосхищение будущего на основе специфического метода понимания исторических отраслей наук о человеческой деятельности <...> Тимология разрабатывает каталог характерных черт людей. Кроме того, она может установить факт, что определенные черты возникали в прошлом, как правило, во взаимосвязи с некоторыми другими свойствами²⁵.

Если говорить более конкретно, все наши догадки о том, как поведут себя в определенной ситуации члены семьи, друзья, знакомые и незнакомцы, основаны на накопленном тимологическом опыте. Надежда, что жене понравится получить на день рождения то или иное ювелирное украшение, что приятель с энтузиазмом воспримет идею пойти на фильм с Клинтом Иствудом, что такой-то студент будет недоволен своей отметкой, — все эти предположения основаны на непосредственном знании о прошлых ценностных суждениях и поступках этих людей. На тимологии основаны даже наши предположения о том, как поведут себя незнакомцы в определенных ситуациях или каким будет ход политических, социальных и экономических событий. Например, накопленный нами тимологический опыт содержит знание, что мужья ревнуют своих жен. Это помогает нам «понять» и предвидеть, что если мужчина открыто ухаживает за женщиной в присутствии ее мужа, он почти наверняка встретит отпор и рискует получить по физиономии. Кроме того, мы можем с большой степенью уверенности прогнозировать, что на ближайших президентских выборах кандидат от либертарианской партии наберет намного меньше голосов, чем кандидаты республиканской и демократической партий; что минута рекламного времени в ходе трансляции матчей футбольного чемпионата этого года будет стоить не больше, чем во время трансляции матчей будущего суперкубка по американскому футболу; что через три месяца цена персонального компьютера не вырастет до 10 млн

²⁵ Там же, с. 244—245, 246.

долл. и не упадет до 10 долл.; и что автор этой статьи никогда не станет королем Англии. Эти и миллионы других столь же определенных прогнозов основаны на специфическом понимании ценностей и целей, направляющих поведение миллионов безымянных действующих лиц.

Как уже отмечалось, источником тимологического опыта являются общение с другими людьми и наблюдение за их поведением. Этот опыт приобретает

либо непосредственно из наблюдения за окружающими нас людьми или ведения с ними дел, либо косвенно благодаря чести и молве, а также из особого опыта, приобретенного в предыдущих контактах с данными индивидами или группами²⁶.

Подобный опыт доступен каждому умственно сформированному человеку, и он служит основой для предвидения будущего поведения тех, чьи действия ему важно учитывать. К тому же, как указывает Мизес, использование тимологического знания в повседневной жизни отличается простотой:

Тимология говорит только о том, что человеком движут врожденные инстинкты, различные страсти и различные идеи. Прогнозирующий человек оставляет в стороне те факторы, которые очевидно не играют никакой роли в рассматриваемом конкретном случае. Затем он делает выбор из оставшихся²⁷.

Чтобы сузить набор целей и желаний, которые вероятнее всего направляют поведение интересующего нас человека, мы используем «тимологическую концепцию» или представление о «характере человека»²⁸. Наше представление о характере определенного человека основывается на полученном тем или иным способом знании о его прошлом поведении. Формулируя свои планы, «мы предполагаем, что без особых причин этот человек останется неизменным, и даже пытаемся предугадать, как определенные изменения условий могут повлиять на его реакции»²⁹. Только доверие к «характеру» нашего спутника жизни позволяет нам каждое утро спокойно отправляться на работу в уверенности, что он или она не исчезнут

²⁶ Там же, с. 282.

²⁷ Там же.

²⁸ Mises, *Ultimate Foundation*, p. 50.

²⁹ Там же.

неведомо куда, прихватив детей и сбережения. Планируя сберечь часть дохода и куда-нибудь эти средства инвестировать, мы учитываем представление о характере Алана Гринспена, которое основывается на нашем прямом или непрямом знании о его прошлых поступках и высказываниях. Поэтому, планируя свои расходы, мы совершенно исключаем возможность того, что в ближайшем будущем он либо сознательно организует 10%-ную дефляцию денежной массы, либо попытается довести краткосрочную ставку процента до нуля.

При всем доверии к инструментам тимологического опыта наше представление о будущих событиях характеризуется известной неопределенностью, поскольку эти события в общем случае представляют собой сложную равнодействующую многих одновременно действующих причинных факторов. В силу этого всякое предвидение предполагает не только наличие перечня факторов, способствующих достижению прогнозируемого результата, но и взвешивание относительного влияния каждого из факторов на результат. При этом более трудной задачей является верное распределение весов пропорционально воздействию факторов. Даже если человек аккуратно выявит все требующие учета причинные факторы, исполнение прогноза будет зависеть от правильности их взвешивания. Источником неопределенности, присущей всякому акту предвидения, является главным образом сложность верного учета относительной роли различных действий³⁰.

Если в повседневной жизни каждый из нас бессознательно использует тимологию для понимания и планирования много-различных будущих событий, то историк, нуждающийся в специфическом понимании причин, определяющих ценностные суждения и решения действующих лиц, которых он считает центральными фигурами для подлежащих объяснению определенных событий или эпох, использует тимологический метод сознательно и неукоснительно. Подобно будущим событиям и ситуациям, которые предвидит в своих замыслах каждый из нас, все исторические события и определяемые ими эпохи представляют собой уникальные и сложные события, реализовавшиеся в силу действий и реакций множества людей. Именно таково значение следующего утверждения Мизеса:

³⁰ Мизес, *Теория и история*, с. 276, 282—283.

История — это последовательность изменений. Каждая историческая ситуация обладает своей индивидуальностью, своими собственными характеристиками, отличающими ее от любой другой ситуации. Река истории никогда не возвращается в однажды пройденную точку. История не знает повторов³¹.

Именно в силу неповторимости истории тимологический опыт дает нам совсем иного рода знание о причинах исторических событий, чем экспериментальный метод естественных наук. Именно поэтому историк, подобно действующему лицу, не может обойтись без особого рода понимания, когда он составляет перечень мотивов и действий, имеющих каузальное отношение к изучаемому вопросу, и когда приписывает каждому фактору вес, пропорциональный его влиянию на результат. При решении этой задачи «понимание в мире истории является своего рода эквивалентом количественного анализа и измерений»³². Историк использует понимание в попытке измерить каузальную «значимость» каждого фактора для результата. Но такого рода оценки значимости не принимают форму объективных измерений, допускающих последующую статистическую обработку; они принимают форму основанных на тимологии субъективных «оценок значимости»³³. Деловой успех обычно сопутствует тем, кто, используя тимологию, последовательно проявляет превосходство в понимании вероятности будущих событий.

Можно на следующем примере проиллюстрировать проблему взвешивания, которую приходится решать как действующим лицам, так и историкам. В ответ на 20%-ное падение промышленного индекса Доу—Джонса — или, что, пожалуй, актуальнее сегодня, индекса НАСДАК — Федеральный резерв увеличивает денежную массу на 5%, что порождает страх перед будущей рецессией и ростом спроса на ликвидность со стороны частных лиц и предприятий. Одновременно с этим ОПЕК объявляет об увеличении квот на добычу на 10%. Для ответа на вопрос, как повлияют все эти события на покупательную способность денег через шесть месяцев, нужно проявить специфическое понимание предпочтений и ожиданий

³¹ Там же, с. 196.

³² Мизес, *Человеческая деятельность*, с. 56.

³³ Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru